
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОИСКИ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

УДК 316.2

ПОЛИПАРАДИГМАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

С.А. Ильиных, С.А. Филатов, Л.Ю. Руди

Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»

E-mail: ili.sa@mail.ru, filatov@nsuem.ru

В статье анализируются некоторые макросоциологические, микросоциологические и интегративные парадигмы социологии. Выявляются особенности интегративных парадигм, а также обосновывается необходимость дальнейшего расширения полипарадигмального пространства социологии. Рассматриваются предостережения от экзегетических теорий, сдерживающих возможность полипарадигмальности.

Ключевые слова: макросоциологические парадигмы, микросоциологические парадигмы, интегративные парадигмы, полипарадигмальность социологии.

POLYPARADIGM SPACE OF MODERN SOCIOLOGY

S.A. Ilyinykh, S.A. Filatov, L. Yu. Rudi

Novosibirsk State University of Economics and Management

E-mail: ili.sa@mail.ru, filatov@nsuem.ru

The article analyzes some macrosociological, microsociological and integrative paradigms of sociology. The peculiarities of integrative paradigms are revealed. The necessity for further expansion of polyparadigm space of sociology is proved. Warnings against the exegetical theories that restrain the possibility of polyparadigm are considered.

Key words: macrosociological paradigm, microsociological paradigm, integrative paradigms, polyparadigm of sociology.

Полипарадигмальность социологии сегодня является научной методологией, введение которой продиктовано крайней необходимостью не только для своего рода консолидации разных, порой и прямо противоположных парадигм, но и выхода на новый исследовательский уровень. Поводом же для создания этой работы послужило желание выразить поддержку этой развивающейся методологии и испытывающей, как все новое, критику со стороны некоторых ученых. На наш взгляд, именно полипарадигмальность позволит совершить научный прорыв в социологии, в ее теоретических и эмпирических изысканиях.

Однако мы отдаем себе отчет в том, что не любой, произвольный синтез классических парадигм представляет собой полипарадигмальность. В этой методологии, как и во всех существующих, должен соблюдаться комплекс принципов, среди которых принцип научности, системности, объективности, развития и некоторые другие.

Социология как наука сформировалась и развивалась в первые десятилетия своего существования в Европе как *макросоциология*, претендующая на раскрытие глобальных законов общества. Но вскоре появилась так называемая *микросоциология*, занявшаяся изучением поведения индивидов в различных социальных условиях, мотивации их поступков, механизмов межличностных взаимодействий и другой конкретной проблематикой. Происходящее ныне сближение макро- и микросоциологии весьма значимо для осмысления исследуемых феноменов в социологии. Это сближение выражается в мультипарадигмальности.

Идею о *полипарадигмальности* как нормальном состоянии современной социологии впервые обосновал в середине 1970-х гг. известный американский социолог Джордж Ритцер. Мультипарадигмальность означает, что парадигмы, созданные ранее, с появлением новой парадигмы не исчезают, а продолжают существовать наряду с нею. Вследствие этого увеличивается концептуальное разнообразие, что позволяет описывать и объяснять различные аспекты таких сложных явлений и процессов, каковыми являются социальные феномены.

Из общего множества парадигм современной социологии можно выделить основные, чаще всего применяемые в социологических исследованиях: 1) *макросоциологические парадигмы*: структурный функционализм, теории конфликта; 2) *микросоциологические парадигмы*: теория социального обмена, символический интеракционизм, феноменологическая социология; 3) *интегративные парадигмы*: теория структуризации Э. Гидденса, теория морфогенеза М. Арчер, теория хабиитуализации П. Бурдьё, «постпарсианский микро-макросинтез» Дж. Александера, интегрированная социологическая парадигма Дж. Ритцера.

Рассмотрим кратко некоторые из них.

Структурный функционализм основывается на рассмотрении общества как системы – внутренне дифференцированной и упорядоченной целостности, состоящей из структурных элементов, вносящих вклад в ее поддержание и воспроизводство. Он сформирован на основе идей О. Конта, Г. Спенсера и Э. Дюркгейма, а наиболее полное развитие получил в 1950-е – начале 1960-х гг. в работах выдающихся американских социологов Т. Парсонса и Р. Мертона [12, 14, 15]. Данный подход акцентирует внимание на устойчивых образцах деятельности, на стабильности и равновесии общества как целостной системы и не учитывает роль социальных конфликтов и изменений, порождаемых неравенством и отчуждением людей друг от друга и от социальных структур (власти, управления, социальной группы и т.п.).

Теории конфликта так же, как и структурный функционализм, основное внимание уделяют изучению общества в целом, исследуя его институты и структурные образования. Однако представители этой парадигмы делают акцент на процессах, которые непрерывно трансформируют общественную жизнь, на несовпадении интересов членов общества и возникновении кон-

фликтов. В марксизме как одной из конфликтных теорий акцент делается на конфликтах между классами общества, имеющими различные политические интересы. Существует множество и немарксистских теорий конфликта таких, как теория позитивно-функционального конфликта (Л. Козер) [9], теория конфликтной модели общества (Р. Дарендорф) [8], общественная теория конфликта (К. Боулдинг) [4] и др.

Теория социального обмена (Дж. Хоманс и П. Блау [2]) основывается на понимании социального взаимодействия как процесса обмена, каждый участник которого получает выгоду в результате действий других участников и в свою очередь совершает действия, приносящие им выгоду (материальную, нематериальную – знаки уважения, престижа, положительные эмоции и т.п.).

В основе *символического интеракционизма* лежит проблема интерпретации людьми поступков друг друга. Ч.Х. Кули [11], Дж.Г. Мид [13], Г. Блумер [3] и И. Гоффман [7], изучая социальное взаимодействие индивидов, сделали вывод, что у людей есть способности общаться посредством символов и совершать действия, соотносясь со значением, которое они в них вкладывают. Значение не есть нечто, изначально присущее вещам, это свойство, которое проистекает из взаимодействия людей в их повседневной жизни (Блумер). Социальная реальность создается людьми, когда они действуют в этом мире и интерпретируют происходящие в нем события. Соответственно представители символического интеракционизма считают, что люди воспринимают мир как сконструированную реальность.

Феноменологическая социология (А. Шюц [18]) является альтернативой символическому интеракционизму в отношении изучения привычных интерпретаций и устойчивых смыслов действий. Этот подход основывается на рассмотрении социального взаимодействия как процесса координации поступков людей, наделяющих действия друг друга смыслом, типичным для их жизненного опыта. Общность и устойчивость смыслов, придаваемых ситуациям взаимодействия, упорядочивает и превращает их в представлении участников взаимодействия в объективную реальность – социальные феномены.

На преодоление противопоставления макро- и микросоциологических парадигм нацелены новые исследовательские подходы и теории, которые в последние два десятилетия приобрели большое число сторонников среди социологов. Это так называемые *интегративные* (объединительные) парадигмы, которые выражают взаимосвязь социальных структур и деятельности социальных субъектов, их взаимовлияние. Сюда относятся, как мы уже указывали, теория структуризации Э. Гидденса, теория морфогенеза М. Арчер, теория хабиитуализации П. Бурдьё, «постпарсианский микро-макросинтез» Дж. Александера, интегрированная социологическая парадигма Дж. Ритцера. Рассмотрим их детальнее.

Теория структуризации Э. Гидденса

Согласно *теории структуризации* Э. Гидденса, ни структура, ни действия не могут существовать независимо друг от друга. Социальные действия создают структуры, и только через них осуществляется и воспроизводство структур, так что последние могут существовать более или менее продолжительное время [23]. Но Гидденс объединяет структуры и действия не механистически. По

существо, он предлагает взглянуть на социальную реальность под совершенно иным углом зрения – ориентируясь на изучение конкретных *социальных практик*, которые воспроизводятся благодаря активному характеру действий социальных субъектов. В соответствии с теорией структуризации предметом исследования являются «социальные практики, упорядоченные в пространстве и во времени». Они не являются неизменными, раз и навсегда данными. Напротив, социальные практики разнятся в разных странах и, соответственно, они своеобразны в одной и той же стране в разные периоды ее истории. При этом социолог особо подчеркивает, что социальная практика «не создается социальными акторами, а лишь постоянно воспроизводится ими», т.е. она имеет характер *преемственности, упорядоченности*.

Социальные практики «одинаковы» в определенном времени и пространстве благодаря *рефлексивности* агентов, которая трактуется Гидденсом как «мониторинг (отслеживание) течения социальной жизни» [6, с. 41]. В свою очередь, индивиды, усваивая в ходе социализации законы и навыки социальной деятельности, обеспечивают повторение социальных практик, что и делает возможным их типизацию, а также и научный анализ.

В общих чертах структура в представлении Гидденса, – это *образец социальных отношений*, существующий в *определенное время и в определенном пространстве*, который предполагает соответствующие модели поведения индивидов. Применительно к социальной жизни Гидденс различает два вида структур: *правила и ресурсы*. Под *правилами* имеются в виду процедуры, которым индивиды могут следовать в социальной жизни, они обязательно вторгаются в *рутинные* социальные практики. При этом социолог особо подчеркивает, что правила не сводятся к набору *рациональных* принципов, это, скорее, способность применять обобщенную процедуру в правильном, общественно одобряемом контексте с учетом *моральной оценки* действий как «справедливых» или «несправедливых». Правила обуславливают структурирование того, что происходит в нашей жизни, для нее типично.

Второй вид структуры – *ресурсы* также возникает *только* в результате человеческой деятельности. Ресурсы могут проявляться в двух видах: в локализованной форме или в форме власти. «Локализованные ресурсы» включают в себя полезные ископаемые, землю, инструменты производства и товар. По Гидденсу, эти ресурсы не существуют сами по себе, они становятся ресурсами только благодаря человеческой активности. Так, земля не является ресурсом до тех пор, пока ее кто-то не обрабатывает. «Властные ресурсы» – нематериальные ресурсы, которые проявляются в том, что одни индивиды способны доминировать над другими, заставляя их выполнять свои желания, и в этом смысле люди становятся ресурсами, которые могут быть использованы другими.

Таким образом, ресурсы означают средства – материальные или властные, используемые индивидами для достижения своих целей в процессе взаимодействия. Естественно, что их значимость, характер поддерживаются и воспроизводятся людьми, но с неизбежностью они могут изменяться.

Центральной в теории структуризации является *теорема о дуальности структуры*. Структура может проявляться: 1) в виде регулярно воспроизводимых правил и ресурсов, характерных для определенного времени и пространства; 2) в виде «отпечатков» социальной практики в памяти индивидов,

знания социальных возможностей других людей и себя самого, что и позволяет продолжать воспроизводить социальную жизнь во всем многообразии.

Гидденс полагает, что структура является, как «внешним», так и «внутренним» фактором. Она «не только принуждает, но и дает возможности» [6, с. 61]. Структура создает *ограниченную* свободную сферу для творческой деятельности индивида. По мнению социолога, структура влияет на человеческое поведение благодаря знанию об обществе, которым располагают индивиды. В обществе есть большое количество «общего знания» о том, как вести себя и как поступать с вещами, что позволяет агентам ориентироваться в повседневной жизни и оперировать с окружающими их предметами. В своем поведении агенты используют знания правил общества, которые существуют в его структуре. Они также пользуются материальными и властными ресурсами, являющимися частями структуры общества.

Знания, которыми располагают индивиды, постоянно включаются в производство и воспроизводство социальных структур. Согласно теории структуризации, момент производства действия индивида является также моментом воспроизводства определенной социальной практики. При этом индивиды воспроизводят и условия, которые делают такие действия возможными. Но, в конечном счете, результат получается несколько иным, чем это представляется людям – он включает в себя и преднамеренное, и непреднамеренное: «Дуальность структуры, – отмечает Гидденс, – всегда является главным основанием преемственности социального воспроизводства во времени и пространстве. Это, в свою очередь, предполагает рефлексивный мониторинг агентов в ходе повседневной социальной деятельности. Однако сознательность всегда ограничена. Поток действий непрерывно производит последствия, которые являются ненамеренными, и эти непредвиденные последствия могут также формировать новые условия действия посредством обратной связи. История творится преднамеренной деятельностью, но не является преднамеренным проектом. Она постоянно ускользает от попыток повести ее по какому-то задуманному направлению» [6, с. 62].

Таким образом, представление о дуальности структуры – главной теоремы теории структуризации позволяет, по мнению Гидденса, разрешить спор между детерминистами, которые верят, что человеческое поведение всецело зависит от внешних сил, и волюнтаристами, считающими, что люди, обладая свободной волей, действуют только в соответствии со своими желаниями. Социолог полагает, что ни первые, ни вторые в принципе не правы, но в каждой позиции есть элементы истины. Он считает, что поэтому необходима объединительная парадигма, а не полюсные подходы.

Как некий итог уместно привести высказывание Дж. Ритцера в отношении теории структуризации Гидденса: «Социальные системы не имеют структур, но проявляют структурные свойства. Самих структур во времени и пространстве не существует, однако они проявляются в социальных системах в форме воспроизводимых практик. Хотя некоторые социальные системы могут быть продуктом целенаправленного действия, Гидденс основной акцент делает на том, что такие системы часто оборачиваются непреднамеренными последствиями человеческого действия. Эти непреднамеренные последствия могут стать неосознаваемыми обстоятельствами действия и оказывать на него влияние по механизму обратной связи. В свою очередь обстоятельства могут укло-

ниться от попыток их подчинения, но тем не менее акторы не оставляют своих усилий по осуществлению такого контроля над этими обстоятельствами.

Итак, структуры «иллюстрируются в социальных системах. Кроме того, они очевидны в «следах воспоминаний», ориентирующих поведение сознательных социальных агентов. В результате, правила и возможности проявляются как на макроуровне социальных систем, так и на микроуровне человеческого сознания» [16, с. 451].

Теория морфогенеза М. Арчер

Понятие *морфогенез* происходит из теории систем и обозначает процесс, при котором сложный взаимный обмен приводит не только к изменениям в структуре системы, но и возникновению конечного продукта – структурной сложности [1]. Морфогенез означает, что существуют эмерджентные свойства, отделенные от действий и взаимодействий, которые их породили. Возникнув, структуры влияют на действие и взаимодействие и изменяют их. С точки зрения морфогенеза этот процесс рассматривается во времени, с учетом бесчисленных последовательностей и циклов структурных изменений, изменений в действии, взаимодействии и структурной сложности [16, с. 454].

Морфогенез М. Арчер является основой теории культуры и деятельности. Социолог проводит различие между структурой и культурой и указывает, что они должны рассматриваться как относительно автономные. В сфере структуры морфогенетическая теория рассматривает структурно-обусловленное влияние на социальное взаимодействие и то, каким образом это взаимодействие ведет к структурному усложнению. Аналогичная картина просматривается и в области культуры: анализ культурно обусловленного влияния на социокультурное взаимодействие и культурного усложнения. Взаимосвязь между культурной обусловленностью и социокультурным взаимодействием представляет собой вариант вопроса о структуре/действии в области культуры.

Социокультурная система предшествует социокультурному действию и взаимодействию, влияет на него и испытывает влияние этого действия. Культурное усложнение следует за социокультурным действием и взаимодействием и переменами, вызванными в них изменениями в социокультурной системе. Как указывает Арчер: «Культурное усложнение есть будущее, которое куется из настоящего, выкованного из прошлого наследия современным новаторством» [20].

Дж. Ритцер, анализируя теорию морфогенеза М. Арчер, показывает, что она стремится установить то, каким образом культурная система вторгается в социокультурное действие [16, с. 456]. Ее интересует не только, какое влияние оказывают социальные отношения на агентов, но и как агенты реагируют на воздействие культурной системы и как сами влияют на последнюю. Этот вопрос важен, поскольку агенты обладают способностью усиливать или, напротив, сопротивляться влиянию культурной системы.

По мнению М. Арчер, культура находится на одном уровне с социальной системой и может анализироваться с применением подхода, принятого в теории систем. В основе теории социолога лежат четыре положения. Первое: культурная система состоит из логически взаимосвязанных элементов. Вто-

рое: культурная система оказывает причинное воздействие на социокультурную систему. Третье: существует причинная взаимосвязь между индивидами и группами, находящимися на социокультурном уровне. Четвертое: изменения на социокультурном уровне ведут к усложнению культурной системы.

Итак, морфогенез Арчер позволяет увидеть, что структура и культура находятся во взаимном влиянии друг на друга, а также относительное влияние их на действие.

Теория хабиитуализации Бурдьё

Она возникла из желания преодолеть противопоставление объективизма и субъективизма [21, р. 15]. П. Бурдьё стремится исследовать диалектическую взаимосвязь между объективными структурами и субъективными явлениями. С целью избегания оппозиции объективное/субъективное социолог концентрируется на понятии практики, которое и считает проявлением диалектической связи между структурой и действием [16, с. 457].

Однако одним из базовых понятий социологической концепции Пьера Бурдьё является понятие *хабитуса*, позволяющее ему преодолеть ограниченность и поверхностность структурного подхода и излишний психологизм феноменологического, но, в конечном счете, соединить субъективизм и объективизм.

Хабитус (*habitus*) – системы прочных приобретенных предрасположенностей (*dispositions*), структурированных структур, предназначенных для функционирования в качестве структурирующих структур, т.е. в качестве принципов, которые порождают и организуют практики и представления, которые объективно приспособлены для достижения определенных результатов, но не предполагают сознательной нацеленности на эти результаты и не требуют особого мастерства [5, с. 18]. Проще говоря, хабитус – это система диспозиций, порождающая и структурирующая практику агента и его представления.

Habitus, продукт истории, производит индивидуальные и коллективные практики – опять историю – в соответствии со схемами, порождаемыми историей. Он обуславливает активное присутствие прошлого опыта, который, существуя в каждом организме в форме схем восприятия, мыслей и действия, гарантирует «правильность» практик и их постоянство во времени более надежно, чем все формальные правила и открыто выраженные нормы. Такая система предрасположенностей, т.е. присутствующее в настоящем прошедшее, устремляющееся в будущее путем воспроизведения однообразно структурированных практик, внутренний закон, через который постоянно исполняется не сводимый к непосредственному принуждению закон внешних необходимостей, – есть принцип преемственности и регулярности [5, с. 19]. Он позволяет агенту спонтанно ориентироваться в социальном пространстве и реагировать более или менее адекватно на события и ситуации.

Хабитус приобретается в результате длительного занятия определенного положения в социуме. При этом люди, занимающие в социуме аналогичные положения, имеют сходные хабитусы. Как указывает Бурдьё, «социальный класс – класс идентичных или схожих условий существования и среды – это в то же время класс биологических индивидов, обладающих одинаковым *habitus*’ом, который понимается как система предрасположенностей, общих

для всех продуктов одной и той же среды. При том, что одинаковый опыт для всех (и даже для двух) представителей одного класса невозможен, в то же время очевидно, что представители одного класса с большей вероятностью по отношению к представителям другого класса, сталкиваются с ситуациями, типичными для своего класса» [5, с. 25].

Будучи продуктом некоторого типа объективной регулярности, *habitus* склонен порождать «резонные», «общепринятые» манеры поведения (и только их), которые возможны в пределах такой регулярности и которые с наибольшей вероятностью будут положительно санкционированы, поскольку они объективно приспособлены к логике, характерной для определенного поля деятельности, объективное будущее которого они предвосхищают. В то же время обычно исключает все «крайности», т.е. все те поступки, которые санкционировались бы негативно, поскольку они несовместимы с объективными условиями. За этим стоит огромная работа по образованию и воспитанию в процессе социализации индивида, по усвоению им не только явно выраженных, но и невыраженных, подразумеваемых принципов поведения в определенных жизненных ситуациях. Интериоризация такого жизненного опыта, зачастую оставаясь неосознаваемой, приводит к формированию готовности и склонности агента реагировать, говорить, ощущать, думать определенным – тем, а не другим – способом. *Хабитус*, таким образом, «есть продукт характерологических структур определенного класса условий существования, т.е.: экономической и социальной необходимости и семейных связей или, точнее, чисто семейных проявлений этой внешней необходимости (в форме разделения труда между полами, окружающих предметов, типа потребления, отношений между родителями, запретов, забот, моральных уроков, конфликтов, вкуса и т. п.)» [22, р. 50].

Важно учитывать то, что *habitus* имеет тенденцию к постоянству и защищен от изменений отбором новой информации, отрицанием информации, способной поставить под сомнение уже накопленную информацию, если таковая предоставляется случайно или по принуждению, но в особенности уклонением от такой информации.

Производя систематические «выборы» местных событий и людей для знакомства, *habitus* защищает себя от кризисов и критических нападков, обеспечивая себе настолько, насколько это возможно, среду, к которой он уже приспособлен, т.е. относительно постоянный круг ситуаций, усиливающий его предрасположенности, обеспечивая рынок, наиболее подходящий для его продуктов. Самое парадоксальное качество *habitus*'а это то, что отбирается информация, необходимая для того, чтобы уклониться от информации. Схемы восприятия и оценки *habitus*'а, которые приводят к стратегиям уклонения, в значительной степени работают неосознанно и ненамеренно. Уклонение происходит либо автоматически, как результат условий существования (например, пространственной сегрегации), либо как стратегическое намерение (как, например, изоляция от «дурной компании» или «неподходящих книг»), исходящее от взрослых, сформированных в тех же условиях [5, с. 27].

Итак, теория Бурдьё нацеливает на то, что *хабитус* позволяет людям осмысливать социальный мир. *Хабитус* приобретает в ходе индивидуальной истории и является функцией отдельного момента в социальной истории. Ха-

битус порождает социальный мир и одновременно сам порождается им. С одной стороны, хабитус является «структурированной структурой» или структурой, которая структурирует мир. С другой стороны, эта «структурированная структура» структурирована социальным миром. Практика служит опосредующим звеном между хабитусом и социальным миром. Важно при этом также и то, что хабитус не является неизменной структурой: его приспособляют индивиды, которые постоянно меняются, оказываясь в противоречивых ситуациях [16, с. 462].

И в рамках исследования полипарадигмальности социологии важно то, что хабитус – это глубоко укоренившиеся и долгосрочные диспозиции, которые действуют как структура, но при этом люди реагируют на него не механически. Несмотря на то, что мы не осознаем хабитус и его действие, он проявляется во всех практических поступках человека. Таким образом, теория Бурдьё представляет собой не что иное, как диалектическую взаимосвязь объективизма и субъективизма.

Многомерная социология Дж. Александра

Александр полагает, что микро- и макроконтинуум связан с тем, как в обществе на разных уровнях создается упорядоченность [16, с. 422]. На макроуровне континуума порядок складывается извне и является по своей природе коллективистским. Он порождается общественными явлениями. На микроуровне упорядоченность возникает из интернализованных факторов. Она индивидуалистична по своей природе, так как порядок возникает из индивидуальных договоренностей.

Проблема *порядка* дополняется проблемой *действия*. Действие подразумевает материалистически-идеалистический континуум, соответствующий объективно-субъективному. Как материальное действие описывается в качестве инструментального, рационального и обусловленного. Как нематериальное оно представляется нормативным, нерациональным и аффективным. Скрещивая континуумы порядка и действия, можно получить четыре уровня социального анализа.

Александр считает, что теоретически ошибочно отдавать предпочтение микроуровню и критически оценивает теории, которые отталкиваются от индивидуально-нормативного уровня нерациональной произвольной деятельности и на его основе выстраивают макроуровни. Недостаток этих теорий, как считает социолог, состоит в том, что сохраняя понятия индивидуальной свободы и волюнтаризма, они не способны исследовать особую природу коллективных явлений. Александр также критикует теории, которые отталкиваются от индивидуально-инструментального уровня и переходят от него к макроуровневым структурам. Эти теории не в состоянии адекватно исследовать макроуровневые явления. Иными словами, Александр критикует все теории, берущие начало на микроуровнях и стремящиеся объяснить на этой основе явления макроуровня.

Но и теории макроуровня также критикуются социологом. Например, он выражает несогласие с коллективно-инструментальными теориями, придающими особое значение принудительному порядку и устраняющими индивидуальную свободу человека.

Как указывает Дж. Ритцер, в целом с точки зрения Александра социальные теоретики должны выбирать либо коллективистские (макро-) позиции, либо индивидуалистский (микро-) подход [16, с. 424]. Но все же автор замечает, что Александр придает первостепенное значение коллективно-нормативным теориям. О подходе самого Дж. Ритцера речь пойдет ниже, но здесь стоит указать, что он отказывается считать важнейшим какой-либо уровень и выступает за необходимость изучения диалектической взаимосвязи между ними. В итоге Александр преувеличивает значение макроявлений, что, по мнению Дж. Ритцера, ограничивает его вклад в развитие теории микро-макроинтеграции.

Однако стоит сказать, что в некотором смысле преодоление указанного ограничения можно наблюдать в его новых работах, развивающих идеи культуральной социологии – новой парадигмы постмодернистского толка [10, с. 13–22]. В частности, он развивает новые подходы к интерпретации роли смыслов социальной жизни, позволяющие глубже понять динамику современного социума, его амбивалентности. Александр выступает за то, что социальные реалии приобретают определенное ценностное содержание только в результате процесса означения, кодирования. Для нас в рамках исследуемой проблемы полипарадигмальности социологии имеет значение подход Александра к созданию валидной, действенной, отвечающей современным требованиям теории: ее появление возможно только при широком теоретическом синтезе.

Интегрированная социологическая парадигма Дж. Ритцера

Проблему взаимосвязи микро- и макроуровней, по мнению Дж. Ритцера, нельзя рассматривать в отрыве от объективно-субъективного континуума [16, с. 420]. Все социальные явления объективны или субъективны вне зависимости от макро- или микроуровня. В связи с этим, как считает социолог, существуют четыре основных уровня социального анализа, и социологи должны исследовать диалектическую взаимосвязь между ними.

Макрообъективный уровень включает масштабные материальные явления: общество, бюрократия, технология. *Микросубъективный* уровень охватывает нематериальные явления: нормы, ценности. Микрообъективность подразумевает частные сущности, типа действия и взаимодействия, а микросубъективность относится к частным ментальным процессам, с помощью которых люди конструируют социальную реальность. Каждый из уровней важен сам по себе, но наибольшее значение имеет динамическая связь между ними.

Дж. Ритцер в своей книге «Современные социологические теории» подробно рассматривает свою интегрированную парадигму и обращает внимание на то, что объективно-субъективный континуум представляет большую сложность и при этом он не менее важен, чем микро-, макроконтинуумы [16]. Любое объективное социальное явление обладает реальным существованием. Его можно увидеть, потрогать, изобразить.

Но есть социальные явления, существующие исключительно в сфере идей. Связанная с объективно-субъективным континуумом сложность заключается в том, что существует множество явлений, занимающих промежуточное положение и обладающих и объективными, и субъективными элементами. Сюда

Дж. Ритцер относит взаимопонимание, ценности, нормы. Поэтому необходимо рассматривать объективно-субъективный континуум как два полярных типа и ряд разнообразных смешанных промежуточных типов.

Хотя эти континуумы представляют интерес сами по себе, но, подчеркивает Дж. Ритцер, важна взаимосвязь этих континуумов. Ритцер предостерегает исследователей от того, что придерживаясь определенной парадигмы, они могут концентрироваться лишь на определенном уровне анализа, что приводит к ошибкам. Социолог приводит пример, который показывает эту ошибочность. Так, считается, что Карл Маркс концентрировал свое внимание на макросубъективных структурах, в особенности на экономических структурах капитализма. Но применяя свою схему, Дж. Ритцер обнаружил, что Маркс глубоко проник во все уровни социальной реальности и их взаимосвязи. То же проявляется и в отношении символического интеракционизма, который обычно считают подходом, рассматривающим микросубъективность и микрообъективность. Но в реальности он не лишен проникновения в макроуровни социального анализа.

Социолог напоминает, что использование уровней социального анализа для анализа определенной теории нарушает целостность, единство, внутреннюю согласованность этой теории. Хотя уровни и полезны для понимания определенной теории и сравнения ее с другими, все же следует стремиться к рассмотрению взаимосвязи уровней и целостности теории [16, с. 581].

Итак, своей интегрированной социологической парадигмой Ритцер внес вклад в процесс парадигмальной интеграции социологии. Он концентрирует внимание на том, что для охвата всего существующего значительного многообразия социальных явлений требуется некоторая концептуальная схема. И его схема представляет собой одну из многих подобных схем, которые могут применяться для рассмотрения всей сложности социального мира.

Возможность совмещения парадигм в социологии: подход В.А. Ядова

Парадигмальный сдвиг в социологии связан, по мнению социолога, с изменением научной картины мира [19]. В теоретической социологии этот сдвиг детерминирован резким возрастанием динамизма социальных изменений: глобализация, распад системы социалистических стран, возрастание природных и техногенных рисков и т. д.

В.А. Ядов предлагает классификацию социологических метапарадигм и связанных с ними предпосылок и следствий (см. таблицу) и дает следующий комментарий к таблице. Классическое наследие в социологической теории соответствует первой горизонтали схемы. Великие теоретики XIX в., традиции которых завершаются Т. Парсонсом (да и П.А. Сорокиным), стремились к созданию именно целостной и всеобъемлющей макротeorии, отвергая любые иные построения с той же претензией.

В послевоенные 40-е годы, по ироническому выражению Э. Гидденса, структурный функционализм приобрел статус «единственно научной теории». Противостояние на политико-идеологической арене в не меньшей мере стимулировало представителей противоположного лагеря к утверждению о «единственно научном подходе» марксизма.

Социологические метапарадигмы

Историко-культурные этапы в науке	Научная картина мира	Критерий научности	Что есть общество или социальное	Критерий обоснованности знания (социально-го в частности)
Классическая наука	Мир не зависим от нас. Надо выявить его свойства и законы развития	Воспроизводимость знания путем применения той же методологии	Целостная система	Стройная непротиворечивая теория
Постклассика – модерн	Мир объективен, но ученый не может адекватно его отразить	В физике – принцип дополнительности. Понимающая социология	Социальные взаимодействия	Подтверждение предсказанного и ранее не наблюдавшегося
Постпост-классика. Наука нашего времени (граница XX–XXI вв.)	Мир в постоянном изменении	Ясность исходных посылок и методологии. Дискурс в научном сообществе	Конструкции непрерывно меняющейся реальности агентами, которые и производят социальные изменения	Неоднозначность, т. е. множественность объяснения изучаемых процессов (феноменов)

Постклассический период в науке, каковой трудно отделить жесткой границей от современности, знаменуется несомненным отказом от следования «единственно правильной» теории и порождает своего рода гибриды. Так, П. Бурдье называл свой подход «структуралистским конструктивизмом», или «конструктивистским структурализмом». Гидденс же утверждает «дуальность» структур.

Нынешнее состояние макротeorии характеризуется *сверхмножественностью*: конструктивисты разделились на два лагеря – радикалов и вполне умеренных, как П. Бергер и Т. Лукман, признающих существенное влияние объективных социальных процессов на субъективные конструкции реальности. Чикагская школа «включенных наблюдателей», культурантропологи, произошедшие из классических антропологов (например, Бронислав Малиновский или Маргарет Мид) и закономерно признаваемые социологами, возрожденная историческая социология, политология, не способная размежеваться с социологией политики, лингвистика, культурология, претендующая на статус макросоциологической теории, целый ряд психологических концепций, которые излагаются в нормальных социологических пособиях – психоаналитики, бихевиористы и когнитивисты (сегодня же, в лице Кеннета Гергера, и постмодернисты). Короче говоря, границы между социальными дисциплинами, стираются. Стираются границы и между социальными дисциплинами и естественнонаучным знанием.

Социолог добавляет к названному ряду теорию динамического хаоса социальных систем Ильи Пригожина и синергетику, науку об искусственном интеллекте.

Какой может быть в данных условиях теоретико-методологическая стратегия современного социологического исследования? Какие исследовательские стратегии возможны в полипарадигмальном пространстве современной социологии?

В.А. Ядов настаивает на необходимости и возможности совмещения исследовательских стратегий в полипарадигмальном пространстве современной социологии. Для нас представляет интерес проанализированные им четыре возможные исследовательские стратегии. Одной из таких стратегий является идея Ж. Гурвича о «комплементарном», т.е. взаимодополняющем, объяснении тех или иных социальных проблем, процессов, явлений. Автор имеет в виду взаимодополняющие истолкования проблем, т.е. применение разных теоретических подходов. Эта стратегия великолепно работает при использовании теорий среднего уровня (по Р. Мертону).

Дж. Тернер предлагает другую продуктивную стратегию, которую он называет аналитическим теоретизированием: это одновременное движение от «интересной философии» и наблюдаемых фактов к некоторым «сенсibiliзирующим обобщениям». При этом допустимо использование «подходящих» теорий, способных прояснить проблему.

Третья возможная стратегия – интеграция различных теоретических подходов с помощью разнообразных исследовательских инструментов. К одному из таких универсальных инструментов относится методология П. Бурдьё, использующего понятие «хабитус», т.е. систему отрефлексируемых практик прошлого, из чего следуют диспозиции к социальному поведению в данных конкретных условиях. К такого же рода инструментам относится принцип INIO П. Штомпки. Любую социокультурную общность и социальную систему можно проанализировать, принимая во внимание четыре измерения: идеология (Ideology) – система ценностей (Т. Парсонс, и М. Шелер, К. Маннгейм); нормативная система (Norms); интеракции (Interactions) – преимущественно вертикально организованные, горизонтально-гражданские либо сетевые; наконец, социальный ресурс, социальный и символический капитал групповых и индивидуальных деятелей (Opportunity). То есть то, что Т. Заславская применительно к России называет деятельностно-структурной теорией трансформационного процесса. Здесь она выделяет социальные группы, обладающие мощным трансформационным потенциалом, не обладающие таковым, настроенные негативно по отношению к происходящим переменам. INIO Штомпки заведомо предполагает привлечение множества теоретических концепций к анализу данных.

Следующая стратегия состоит в развитии некоторой интегрирующей теории, отвечающей современному динамизму общественных процессов. Это «постпарсонсианский микро-макросинтез» Дж. Александера, теория морфогенеза М. Арчер, теория структурации Э. Гидденса и др. Как указывает В.А. Ядов, названные ученые пытаются диалектически интегрировать системно-структурные, конструктивистские и феноменологические идеи.

В.А. Ядов говорит о том, что утверждение полипарадигмального подхода к анализу социальных процессов позволяет надеяться на то, что российская социология приближается к современному общемировому уровню.

Однако стоит сказать, что полипарадигмальность полипарадигмальности разнь. Чтобы избежать ненужной мультипарадигмальности, важно не уклоняться в разработку теорий, которые будут иметь небольшую ценность. С этой точки зрения полезны разработки П. Штомпки, касающиеся разного рода парадигм.

Теоретическая социология П. Штомпки

Итак, в рамках полипарадигмальности несомненный интерес вызывает работа П. Штомпки, поскольку ученый представляет разные грани существующих парадигм. Он выделяет четыре типа теорий: объяснительные, эвристические, аналитические, экзегетические. *Объяснительные теории* – это теории, вырастающие из исследований и направленные на исследования. Эти теории существуют для того, чтобы дать объяснения разрозненным фактам и явлениям и проинтерпретировать множество различных событий и фактов. Эти теории разрабатываются не только для профессионалов-социологов, но и для простых людей, чтобы «дать им ориентацию, просвещение, понимание своего положения» [17, с. 131].

Эвристические теории нельзя проверить непосредственно, но они плодотворны, так как создают понятия, образы, модели. Сюда относятся такие классические теории, как структурный функционализм, символический интеракционизм, теория обмена, марксизм. Эти теории предназначены для исследователей, создающих объяснительные модели отдельных областей мира, отвечающих на конкретные вопросы. П. Штомпка видит три параллельных парадигматических смещения, которые и вызывают появление этих теорий. Первый сдвиг – это смещение от устойчивых органических систем к подвижным областям взаимодействия социальных сил. Социальный порядок видится как конструируемый, постоянный результат достижений агентов действия, производимый и воспроизводимый человеческим действием. Сюда относятся работы П. Бергера и Т. Лукмана, Н. Элиаса, П. Бурдьё, Э. Гидденса.

Второй сдвиг – это переход от социального развития к социальному становлению (*social becoming*). Акцент переносится на открытые исторические сценарии, развивающиеся с помощью решений, выбора, а также благодаря образующим сценарий случайным событиям. Здесь доминируют работы представителей «исторической социологии» Дж. Тилли, М. Арчер, Т. Скочпол, П. Штомпки.

Третий сдвиг – переход от образа «гомо экономикус» (расчетливый, рациональный деятель), представленного в теории «рационального выбора» (Дж. Коулмен, Дж. Эльстер), и от «гомо социологикус» (нормативно направленного исполнителя роли), представленного «неофункционализмом» (Дж. Александер, Н. Лукман, Р. Мюнх), к «гомо когитанс» (знающий и понимающий участник, информированный и ограниченный коллективными символическими системами знаний и веры). Эту тенденцию принято называть интерпретативным поворотом. И здесь много разновидностей. Первая – структурализм К. Леви-Стросса и Ф. де Соссюра, феноменология А. Шюца. Вторая – постструктурализм М. Фуко. Третья – теория коммуникативного действия Хабермаса, теория практического знания Э. Гидденса, этнометодология Г. Гарфинкеля, теория практики П. Бурдьё.

Аналитические теории обобщают, проясняют понятия, дают типологии, классификации, пояснения, определения. Эти теории полезны для социологов. Однако опасность аналитических теорий состоит в возможности конструирования закрытых категориальных систем. Они полезны лишь в некоторых случаях, как, например, в случае создания теорий среднего уровня.

Экзегетическая теория заключается в анализе, толковании, систематизации, реконструкции, критике существующих теорий. Именно через эту стадию прошли большинство выдающихся теоретиков: Т. Парсонс в работе «Структура социального действия», Э. Гидденс в работе «Капитализм и современная социальная теория», Дж. Александер в работе «Теоретическая логика в социологии», Н. Смелзер в книге «Объяснение и социальная теория», П. Штомпка в книге «Социологические дилеммы».

Для нас этот вид теорий имеет важное значение, поскольку именно он не вполне позитивно влияет на мультипарадигмальность. Почему? Ответ дает П. Штомпка: «Все цели теряют смысл, если главной целью становится бесконечное препарирование работ модных авторов: что сказал такой-то ученый, как бы он мог сказать это лучше, что он мог сказать, но не сказал, последователен ли он, что он в действительности хочет или не хочет сказать? Чем более эзотеричной, непонятной, неясной, запутанной является теория, тем больше возможностей она дает экзегетическим спорам» [17, с. 134].

Итак, классификация теорий П. Штомпки показывает, что для полипарадигмальности существенную роль играют первые три вида. Именно их и стоит использовать, сочетая и взаимодополняя, чтобы «расшифровать» и объяснить разнообразие социального мира.

Заключение

Перелом в развитии социологии, произошедший в 1960–1970-х гг., выразившийся в критике господствовавших макросоциологических, позитивистских и объективистских представлений о предмете, методах и предназначении социологии, а также в создании множества альтернативных концепций, прервал развитие социологии в направлении теоретико-методологического консенсуса. Поэтому исследования 1960–1970-х гг. могут быть в общем обозначены как постклассическая социология. Социология стала развиваться по пути плюрализма и приобрела статус полипарадигмальной (или мультипарадигмальной) науки. Дебаты о том, что предпочтительнее и перспективнее для развития социологии – макросоциологические или микросоциологические парадигмы, качественные или количественные методы, завершились признанием относительной ценности и взаимодополняемости альтернативных подходов.

Итак, можно сделать вывод, что в социологической науке существуют различные, иногда диаметрально противоположные теоретические подходы и концепции, называемые в научном сообществе парадигмами. Современное состояние дел таково, что для исследования сложного современного социального мира необходима не одна, а целый комплекс взаимно дополняющих парадигм, который и представляет собой научную методологию исследования.

Таким образом, характеристика парадигмальной структуры современной социологии показывает, что каждая парадигма позволяет лучше, чем другие парадигмы, ответить на ряд определенных вопросов, однако исследовать социальные явления всесторонне, наиболее полным образом можно, если используются различные подходы. В результате снижается вероятность принятия тенденциозных результатов в качестве абсолютно истинных. Необходимость исследовать все возможные аспекты социальных явлений и приводит к возникновению полипарадигмального пространства современной социологии.

Литература

1. *Арчер М.* Реализм и морфогенез // Социологический журнал. 1994. № 4.
2. *Блау П.М.* Различные точки зрения на социальную структуру и их общий знаменатель // Американская социологическая мысль: Тексты. М.: Изд-во Международного Университета Бизнеса и управления, 1996. С. 7–28.
3. *Блумер Г.* Коллективное поведение // Американская социологическая мысль: Тексты. М.: Изд-во Международного Университета Бизнеса и управления, 1996. С. 166–212.
4. *Боулдинг К.* Конфликт и защита. Общая теория. М., 1963.
5. *Бурдье П.* Структуры, habitus, практики // Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995. С. 16–39.
6. *Гидденс Э.* Элементы теории структуриации // Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995. С. 40–80.
7. *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. А.Д. Ковалева. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2000.
8. *Дарендорф Р.* Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5.
9. *Козер Л.А.* Функции социального конфликта // Американская социологическая мысль: Тексты. М.: Изд-во Международного Университета Бизнеса и управления, 1996. С. 542–545.
10. *Кравченко А.* Культуральная социология Дж. Александера (генезис, понятия, возможности инструментария) // Социологические исследования. 2010. № 5. С. 13–22.
11. *Кули Ч.* Социальная самость // Американская социологическая мысль: Тексты. М.: Изд-во Международного Университета Бизнеса и управления, 1996. С. 314–327.
12. *Мертон Р.* Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль: Тексты. М.: Изд-во Международного Университета Бизнеса и управления, 1996. С. 393–461.
13. *Мид Дж.* Интернализированные другие и самость // Американская социологическая мысль: Тексты. М.: Изд-во Международного Университета Бизнеса и управления, 1996. С. 222–224.
14. *Парсонс Т.* О структуре социального действия. М., 2000.
15. *Парсонс Т.* Функциональная теория изменения // Американская социологическая мысль: Тексты. М.: Изд-во Международного Университета Бизнеса и управления, 1996. С. 478–493.
16. *Ритцер Дж.* Современные социологические теории. 5-е изд. СПб.: Питер, 2002.
17. *Штомпка П.* Теоретическая социология и социологическое воображение // Ядов В. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. СПб.: Интерсоцис, 2009. 2-е изд. С. 126–137.
18. *Шюц А.* Формирование понятия и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль: Тексты. М.: Изд-во Международного Университета Бизнеса и управления, 1996. С. 526–541.
19. *Ядов В.А.* Возможности совмещения социологических парадигм в социологии // Социологический журнал. 2004. № 3.
20. *Archer M.* Culture and Agency: The Place of Culture in Social Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.
21. *Bourdieu P.* Social Space and Symbolic Power // Sociological Theory. № 7. P. 14–25.
22. *Bourdieu P., Passeron J.-C.* La Reproduction. Paris: Minuit, 1971.
23. *Giddens A.* Modernity and Self-Identity. Stanford: Stanford University Press, 1991.

Bibliography

1. *Archer M.* Realizm i morfogenez // Sociologičeskij zhurnal. 1994. № 4.
2. *Blau P.M.* Razlichnye tochki zrenija na social'nuju strukturu i ih obwiz znamenatel' // Amerikanskaja sociologičeskaja mysl': Teksty. M.: Izd-vo Mezhdunarodnogo Universiteta Biznesa i upravlenija, 1996. P. 7–28.

3. *Blumer G.* Kollektivnoe povedenie // Amerikanskaja sociologičeskaja mysl': Teksty. M.: Izd-vo Mezhdunarodnogo Universiteta Biznesa i upravlenija, 1996. P. 166–212.
4. *Boulding K.* Konflikt i zawita. Obwaja teorija. M., 1963.
5. *Burd'e P.* Struktury, habitus, praktiki // Sovremennaja social'naja teorija: Burd'e, Giddens, Habermas. Novosibirsk: Izd-vo NGU, 1995. P. 16–39.
6. *Giddens Je.* Jelementy teorii strukturacii // Sovremennaja social'naja teorija: Burd'e, Giddens, Habermas. Novosibirsk: Izd-vo NGU, 1995. P. 40–80.
7. *Gofman I.* Predstavlenie sebja drugim v povsrednevnoj zhizni / Per. s angl. A.D.Kovaleva. M.: Kanon-Press-C; Kuchkovo pole, 2000.
8. *Darendorf R.* Jelementy teorii social'nogo konflikta // Sociologičeskie issledovanija. 1994. № 5.
9. *Kozer L.A.* Funkcii social'nogo konflikta // Amerikanskaja sociologičeskaja mysl': Teksty. M.: Izd-vo Mezhdunarodnogo Universiteta Biznesa i upravlenija, 1996. P. 542–545.
10. *Kravchenko A.* Kul'tural'naja sociologija Dzh. Aleksandera (genezis, ponjatija, vozmožnosti instrumentarija) // Sociologičeskie issledovanija. 2010. № 5. P. 13–22.
11. *Kuli Ch.* Social'naja samost' // Amerikanskaja sociologičeskaja mysl': Teksty. M.: Izd-vo Mezhdunarodnogo Universiteta Biznesa i upravlenija, 1996. P. 314–327.
12. *Merton R.* Javnye i latentnye funkcii // Amerikanskaja sociologičeskaja mysl': Teksty. M.: Izd-vo Mezhdunarodnogo Universiteta Biznesa i upravlenija, 1996. P. 393–461.
13. *Mid Dzh.* Internalizovannye drugie i samost' // Amerikanskaja sociologičeskaja mysl': Teksty. M.: Izd-vo Mezhdunarodnogo Universiteta Biznesa i upravlenija, 1996. P. 222–224.
14. *Parsons T.* O strukture social'nogo dejstvija. M., 2000.
15. *Parsons T.* Funkcional'naja teorija izmenenija // Amerikanskaja sociologičeskaja mysl': Teksty. M.: Izd-vo Mezhdunarodnogo Universiteta Biznesa i upravlenija, 1996. P. 478–493.
16. *Ritcer Dzh.* Sovremennye sociologičeskie teorii. 5-e izd. SPb.: Piter, 2002.
17. *Shtompka P.* Teoretičeskaja sociologija i sociologičeskoe vobrazhenie // Jadov V. Sovremennaja teoretičeskaja sociologija kak konceptual'naja baza issledovanija rossijskih transformacij. SPb.: Intersocis, 2009. 2-e izd. P. 126–137.
18. *Wjuc A.* Formirovanie ponjatija i teorii v obwestvennyh naukah // Amerikanskaja sociologičeskaja mysl': Teksty. M.: Izd-vo Mezhdunarodnogo Universiteta Biznesa i upravlenija, 1996. P. 526–541.
19. *Jadov V.A.* Vozmožnosti sovmewenija sociologičeskikh paradigm v sociologii // Sociologičeskij zhurnal. 2004. № 3.
20. *Archer M.* Culture and Agency: The Place of Culture in Social Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.
21. *Bourdieri P.* Social Spase and Symbole Power // Sociological Theory. № 7. P. 14–25.
22. *Bourdieu P., Passeron J.-C.* La Reproduction. Paris: Minuit, 1971.
23. *Giddens A.* Modernity and Self-Identity. Stanford: Stanford University Press, 1991.